

© 2014 г.

А.И. БОРОЗНЯК

**“ИХ БОРЬБА, ИХ СТРАДАНИЯ, ИХ СМЕРТЬ НЕ БЫЛИ
НАПРАСНЫ”. Ганс Фаллада и его роман “Каждый умирает в
одиночку”**

На стене здания № 10 по Амстердамер штрассе в западнберлинском районе Веддинг (прежнее строение было разрушено в ноябре 1943 г. во время бомбардировки) укреплена памятная доска: «Здесь находился дом, в котором с 1934 г. до своего ареста жили Отто Хампель (1897–1943) и Элиза Хампель (1903–1943). 8 апреля 1943 г. супруги были казнены в тюрьме Плётцензее. Их протест против преступлений нацистского режима стал основой романа Ганса Фаллады “Каждый умирает в одиночку”».

Рудольф Дитцен (1893–1947), известный под псевдонимом Ганс Фаллада, – один из самых значительных немецких писателей XX в. Свой псевдоним он заимствовал из сказок братьев Гримм: имя – из сказки “Счастливый Ганс”, а фамилию – из сказки “Гусиная пастушка”. Фаллада – это сказочный конь, который всегда бесстрашно говорил правду.

Рудольф Дитцен родился в семье судейского чиновника высокого ранга, но рано оказался в жестоком разладе с семьей, школой и обществом. Его психика была крайне неустойчива. Подростком он дважды покушался на самоубийство, был помещен в закрытое исправительное заведение для несовершеннолетних, из которого вышел накануне Первой мировой войны. Не был призван на войну по состоянию здоровья. Переменял много профессий, был управляющим помещичьим имением, агентом рекламного бюро, репортером. Мечтал о литературном труде; в 1920 г. начал писать под псевдонимом, но все опыты оказывались неудачными. Пристрастился к наркотикам и лечился в неврологической клинике. Несколько раз сидел в тюрьме.

Первой книгой, которая принесла Фалладе известность и удачу, был роман “Крестьяне, бомбы и бомбы” (1931) о крестьянском бунте в Шлезвиге во время “великой депрессии”. В 1932 г. был написан роман “Маленький человек, что же дальше?”, переведенный на многие иностранные языки. Сформировалась репутация Фаллады как мастера сюжетной интриги, писателя, главным героем которого является маленький человек, не находящий выхода в жестоком обществе. Об этом он рассказал с потрясающей правдивостью и искренностью. Очевидным было влияние на его творчество произведений Ф.М. Достоевского. Фаллада с полным правом утверждал: “Как и он, я чувствую непреодолимое пристрастие к тeneвым сторонам человеческого бытия, к неустойчивым, болезненным или отчаявшимся героям”¹. Да и сам он был подобен трагическим героям Достоевского – Парфену Рогожину или Дмитрию Карамазову.

Борозняк Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. Автор выражает искреннюю признательность бывшей сотруднице Архива Ганса Фаллады писательнице С. Ланге (Карвиц), сотруднику Института современной истории в Мюнхене д-ру Ю. Царуски и д.и.н. А.Б. Цфасману (Росток) за помощь в создании этого очерка.

¹ Цит. по: *Manthey J.* Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek, 1963, S. 128.

В годы нацистской диктатуры Фаллада оставался в Германии. Он не поддерживал гитлеризма, его книги запрещались, дважды он оказывался за решеткой. В попытках изолироваться от диктатуры, он укрылся в небольшом имении в деревне Карвиц близ городка Фельдберг в озерном крае северо-восточной Германии (Мекленбург). После 1933 г. Фаллада выпустил несколько развлекательных романов и сборников сказок, но самыми значительными произведениями оказались романы “Кто однажды отведал тюремной похлебки” (1934), “Волк среди волков” (1937) и “Железный Густав” (1938).

Фаллада пытался отстаивать независимость суждений и верность жизненной правде, но не устоял под давлением нацистов, меняя по их требованию конец сочинения или снабжая его предисловием в приемлемом для властей духе. Прав автор монографии о произведениях Фаллады периода Третьего рейха Г. Терворт (Мюнстерский университет): «Фаллада был готов к крупным уступкам, не колеблясь, а иногда и без принуждения, шел на компромиссы... Назвать его “внутренним эмигрантом” – означало бы исказить само это понятие»².

Но даже марксистские критики не отрицали, что Фаллада сохранил литературный талант. Венгерский философ-антифашист Д. Лукач, находившийся в эмиграции в СССР, признавая “вольную или невольную капитуляцию Фаллады перед гитлеровским фашизмом”, отмечал, что “фашизация Фаллады отнюдь не привела его к восторженному одобрению политики третьей империи”, что для национал-социализма Фаллада “слишком самостоятелен, слишком художник”³.

В 1944 г. писатель пережил глубокий внутренний кризис, закончившийся разрывом с женой. Его новая жена, молодая вдова богатого фабриканта, была морфинисткой и вновь пристрастила мужа к наркотикам. Он оказался в заключении, откуда вышел в декабре 1944 г.

ФАЛЛАДА И БЕХЕР: ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ

28 апреля 1945 г. части 49-й армии 2-го Белорусского фронта вошли в городок Фельдберг, а через несколько дней советский комендант майор Сидельников назначил Фалладу бургомистром этого населенного пункта⁴. Комендант не знал, что перед ним известный писатель – он видел в Дитцене интеллигентного человека, который, к тому же, был брошен в тюрьму нацистами. Первые слова по-русски, которые услышал Фаллада, были: “Давай, давай, работай!”. На писателя, который абсолютно не подходил для этой должности, свалилось “бесконечно много работы, забот и нужды”⁵: тяжелейшие дела по переезду находившихся в Фельдберге и окрестных селах эвакуированных, по заготовкам картофеля и корма для скота, по обеспечению населения хлебом и топливом, по формированию антифашистской полиции, по открытию детского сада, по поиску и передаче военным властям нацистских преступников.

В то время как жители города считали бургомистра Дитцена “ставленником русских”, у него никак не складывались отношения с новым советским комендантом. Жена писателя была в отчаянии и совершила попытку самоубийства. Эта страница биографии Фаллады закончилась, как и следовало ожидать, жестоким нервным срывом. Вновь морфий... 13 августа 1945 г. он был помещен в больницу расположенного

² *Terwort G.* Hans Fallada im “Dritten Reich”. Dargestellt an exemplarisch ausgewählten Romanen. Frankfurt a.M., 1992, S. 186; *Lamp H.* Fallada unter Wölfen. Schreiben im Dritten Reich. Die Geschichte des Inflationsromans “Wolf unter Wölfen”. Friedland, 2002.

³ *Лукач Г.* Ганс Фаллада. – Литературный критик, 1936, № 5, с. 143–147. Текст Лукача до недавнего времени был неизвестен в ФРГ.

⁴ Об этом вспоминал российский историк Я.С. Драбкин, в 1945 г. – майор Красной Армии. – *Neues Deutschland*, 3.V.2008.

⁵ *Caspar G.* Fallada-Studien. Berlin, 1988, S. 252; *Crepon T.* Kurzes Leben, langes Sterben. Hans Fallada in Mecklenburg. Rostock, 1998, S. 234–235.

невдалеке города Нойштрелиц⁶. Оттуда супруги перебрались в американский сектор Берлина, в Шёнеберг, где они бедствовали, не имея продуктовых карточек, живя только покупками с черного рынка. К тому же дом Фаллады в Фельдберге был разграблен местными жителями. Писатель не находил путей выхода из жизненного и культурного кризиса.

8 августа 1945 г. в Берлине был учрежден “Культурбунд за демократическое возрождение Германии”⁷. Президентом этого союза был избран поэт Иоганнес Бехер – коммунист и политэмигрант. Были созданы издательство Культурбунда “Ауфбау” и журнал того же названия. Бехер считал главной задачей союза создание антифашистского общегерманского консенсуса деятелей культуры и искусства, в который входили бы – наряду с коммунистами – писатели, находившиеся в эмиграции на Западе или остававшиеся на территории рейха, но не запятнавшие себя активным сотрудничеством с нацистами. Бехер полагал необходимым (и это ему удалось) привлечь к делу духовного очищения нации остававшихся в Германии писателей Г. Гауптмана, Б. Келлермана, Э. Вихерта, Р. Хух, Э. Кестнера. Бехер вспоминал позднее: “Мы мечтали о том, что поражение принесет нам моральные преимущества, мы мечтали о том, что катастрофа приведет к духовному обновлению нашего народа, к демократическому возрождению”⁸.

На Фалладу Бехер возлагал особые надежды. Он направил к нему капитана Р.Т. Пересветова – руководителя отдела культуры газеты “Теглихе рундшау”, издававшейся Советской военной администрацией: “Протяните ему руку помощи, помогите ему стать на ноги. А работать он может как одержимый. Поезжайте к нему. Убедите его написать что-нибудь для воскресного номера Вашей газеты”. Полтора десятилетия спустя Пересветов вспоминал: “Слова Бехера поразили меня. Я тут же вспомнил о номере берлинского иллюстрированного еженедельника, который случайно оказался у меня в руках в 1934 г., когда многие ведущие писатели уже покинули гитлеровскую Германию. Журнал поместил фотографию улыбающегося Фаллады вместе с женой и собакой на фоне уютного сельского дома. Эта идиллия должна была сказать всему миру: не все писатели сбежали из Германии, талантливый Ганс Фаллада остался здесь... Но, с другой стороны, было известно, что нацисты едва его терпели и даже преследовали. Но о том, что Фаллада находится в Берлине, я не имел никакого понятия”⁹. Пересветов поехал по указанному адресу, позвонил, но никто не отвечал. “Наконец, дверь открылась. Передо мной стоял истощенный человек в темных очках, одетый в пижаму, хотя уже был полдень... Гардины задернуты. Фаллада, который совсем не напоминал благополучного человека со страниц иллюстрированного журнала, настороженно глядел на вошедшего в его квартиру советского офицера”⁹. Так началось регулярное сотрудничество Фаллады в газете “Теглихе рундшау”, на страницах которой были опубликованы его рассказы и очерки.

⁶ *Liersch W.* Fallada. Sein großes kleines Leben. Berlin, 1981, S. 365–372; *Müller-Waldbeck G., Ulrich R.* Neues von Daheim und Zuhause. Erinnerungen an Hans Fallada. Frankfurt a. M., 1993, S. 146–177; *Kuhnke M.* Verstrickt in die Zeiten, Anmerkungen zu den erworbenen Lebenslinien von Johannes R. Becher und Hans Fallada. Neubrandenburg, 1999, S. 109–114. Данные, приводимые немецкими исследователями, имеют мало общего с идеализацией деятельности Фаллады на посту бургомистра в мемуарах одного из бывших сотрудников Советской военной администрации в Германии (*Baïc Г.* Утром после войны. Очерки. М., 1984, с. 63–67).

⁷ Manifest und Ansprachen von Bernhard Kellermann, Eduard Spranger u.a. Gehalten bei der Gründungskundgebung des Kulturbundes zur demokratischen Erneuerung Deutschlands am 4. Juli 1945 im Haus des Berliner Rundfunks. Berlin, 1945; *Schiller D.* Überparteilich, aber nicht neutral. Fragmente zur politischen Geschichte des “Kulturbundes zur demokratischen Erneuerung Deutschlands”. Berlin, 2009.

⁸ *Becher J.R.* Gesammelte Werke, Bd. 18. Berlin, 1981, S. 127.

⁹ Stimmen der Freunde: Roman Pereswetow – Sinn und Form. Zweites Sonderheft Johannes R. Becher. Berlin, 1960, S. 576–577.

12 октября 1945 г. состоялась первая встреча Фаллады и Бехера, зародилась их дружба, которая продолжалась чуть больше года, но оставила глубокий след в истории немецкой культуры. Что притягивало друг к другу этих людей, столь различных по мировоззрению, жизненной позиции и писательскому опыту? Конечно же, решающими для Бехера были прагматические соображения политико-идеологического характера. Но было глубокое понимание неповторимости таланта Фаллады и чувство искренней симпатии к нему. Немалую роль играло и сходство личных судеб. Оба происходили из привилегированного сословия и молодыми порвали связи со средой. У обоих была весьма непростая нервная организация. Бехер дважды пытался свести счеты с жизнью и понаслышке знал, что такое наркотическая зависимость...

Об их дружбе Фаллада рассказал в исповедальной повести “Кошмар” (1946), где под именем Долля выступает автор, а под именем Гранцова – Бехер. Они раньше никогда не видели друг друга, но их встреча “была похожа на новое свидание старых друзей”. Бехер (Фаллада называл его “мастером задавать вопросы и мастером слушать”) отнесся к своему собеседнику “отчески-дружественно” и постарался помочь ему “вновь обрести веру, но не только в себя, нет, – прежде всего в соотечественников, в мир, в смысл труда”. Они говорили о возможности новых работ. Принципиально важными были слова Гранцова: “Дорогой Долль, никто не будет принуждать Вас делать то, к чему не лежит Ваша душа... Ты вновь сможешь свободно работать... Увидишь, однажды ты напишешь книгу, которую все ждут. И это будет здорово!”¹⁰. Были ли эти слова предвидением Гранцова-Бехера или выражением мечты Долля-Фаллады?

Бехер сделал все, чтобы спасти Фалладу: он добился его переезда в советский сектор Берлина. Писателю были выданы продуктовые карточки по высокой норме, ему и его семье была отведена вилла в привилегированном районе Панков. Он регулярно получал необходимую медицинскую помощь. Фаллада был искренне признателен Бехеру, о чем сообщал редакции “Теглихе рундшау”: “Я благодарен тому часу, когда президент Культурбунда Иоганнес Бехер вырвал меня из опасной летаргии и указал мне на задачу, которая действительно является важной: собрать все силы для духовного возрождения Германии”¹¹. В письме, обращенном к своему прежнему издателю Э. Ровольту, Фаллада писал: «Нет недостатка в предложениях работы. Теперь я пишу преимущественно для газеты Красной армии, для “Теглихе рундшау”, где ко мне прекрасно относятся и платят фантастические гонорары... Бехер как отец заботится обо мне»¹². “Фаллада, – писал литературовед Г. Каспар, – не знал, что перед ним открывалась перспектива нового начала. Узнал бы он об этом, не будь Бехера?”¹³.

Однако действия Бехера вызывали недоумение у многих его соратников по коммунистическому движению. Пролетарский поэт Г. Лорбеер – участник антифашистского подполья, в веймарский период близкий друг Бехера, обвинял его в том, что он-де “открыл литературное кладбище”. Лорбеер возмущался: “Сегодня происходит слишком много такого, что приносит мучения даже тем, у кого ясные головы... Господа уже здесь. Они уже заняли решающие позиции... Господин Фаллада уже здесь, господин Генрих Манн, господин Гауптман и другие”¹⁴. Бехер терпеливо объяснял своим оппонентам: «После того, как я, наконец, вернулся, моя главная задача состоит в том, чтобы как можно скорее собрать вокруг нас всех тех, кто колебался и кто – не сегодня так завтра – может подпасть под какое-либо враждебное влияние... “Нас” не следует понимать как нас в узком смысле этого слова, но – в смысле действенного, свободного демократического развития... Мы не можем себе позволить, действуя по проверенным пролеткультовским образцам, вновь оказаться в изоляции»¹⁵.

¹⁰ *Fallada H.* Der Alpdruck. Reinbek, 1979, S. 255–257, 260, 284.

¹¹ *Tägliche Rundschau*, 22.X.1945.

¹² *Hans Fallada. Sein Leben in Bildern und Briefen.* Berlin, 2012, S. 223–224.

¹³ *Caspar G.* Im Umgang. Zwölf Autoren-Konterfeis und eine Paraphrase. Berlin, 1984, S. 72.

¹⁴ *Briefe an Johannes R. Becher 1910–1958.* Berlin, 1993, S. 195.

¹⁵ *Becher J.R.* Briefe 1909–1958. Berlin, 1993, S. 277, 293.

Линия Культурбунда, в правильности которой Бехер был абсолютно убежден, раздражала некоторых ведущих деятелей Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Начальник Управления пропаганды (информации) СВАГ С.И. Тюльпанов в сентябре 1946 г. заявлял: “Сейчас мы пришли к твердому убеждению, что надо менять Бехера. Больше терпеть нельзя... Нельзя, чтобы Культурбунд превращался просто в сборище всей интеллигенции, а надо, чтобы это был действительно культурный орган демократического обновления Германии и чтобы это было общество культурной связи с Советским Союзом... А Бехер не может и не хочет это сделать”. Политсоветник при Главноначальствующем СВАГ В.С. Семенов поддержал Тюльпанова: “Бехер считает, что мы сделали бы ошибку, если оттолкнем от себя лояльных к СССР немецких буржуазных политиков... В общем, у меня сложилось впечатление, что Бехер находится под известным влиянием со стороны буржуазно мыслящих интеллигентов и что многие политические вопросы для него не совсем ясны”¹⁶.

Бехер, конечно, каялся, но убеждений своих старался не менять. Курс на унификацию, на бескомпромиссную линию гегемонии коммунистов в культурной политике восторжествовал позднее, а пока Бехер получал определенную поддержку как со стороны руководства КПГ (с апреля 1946 г. – Социалистической единой партии Германии – СЕПГ), так и ряда работников СВАГ.

Историк и публицист И. Дойчер, далекий от симпатии к руководству Советского Союза или к немецким коммунистам, так описывал культурную ситуацию в Германии первых послевоенных месяцев: “Победители, исполненные чувства мести, пытаются вдохнуть жизнь в пустыню, в которую превращена Восточная Германия. Определенно, это привлекает интеллигенцию. Именно благодаря русской поддержке налаживается художественная жизнь в Берлине и в провинциях. Примечательно то, что русская военная администрация не столько насаждает в Германии свои тоталитарные методы, сколько то, в какой мере она удерживается от таких методов”¹⁷.

Культурбунд до начала “холодной войны” оставался относительно самостоятельной надпартийной общественно-политической организацией, притягательным центром для интеллигенции Восточной и Западной Германии. Именно на это время приходится высшая точка содружества Бехера и Фаллады. Состоялось несколько выступлений Фаллады по берлинскому радио. 8 декабря 1945 г. Бехер пригласил его в поездку в Шверин, где проходило собрание общественности, посвященное Нюрнбергскому процессу над главными немецкими военными преступниками. Фаллада выступил в непривычной для себя роли успешного политического оратора. Он стремился передать своим слушателям уверенность в демократическом будущем немецкого народа: “Впереди не только катастрофа, не только хаос, впереди новое начало. Мы не собрались бы в этот час, если бы не верили в Германию, в новую Германию, если бы мы не надеялись от всего сердца, что существуют возможности для новой Германии, для Германии духовной свободы, для Германии Эйхендорфа и Шиллера, Гервега и Бетховена”. Он указал слушателям не только на перспективы, но, прежде всего, на неизбежные трудности и противоречия постнацистского периода. Ведь для многих немцев (едва ли не большинства) процесс принес не только страх, но и облегчение. Наказание главных военных преступников было равнозначно тому, что проблемы прошлого уже разрешены, что Нюрнберг снял вину с рядовых немцев. Оратор, явно идя поперек течения, заявил: “Значительная часть наших соотечественников поддалась самым низменным инстинктам воровства, предательства и зависти... И в это недавнее время мы узнали, как низко этот народ пал в моральном отношении за последние 12 лет”. Но, продолжал Фаллада, “здоровое зерно осталось, и наш долг заключается в том, чтобы сохранить зерно порядочности и посеять его на наших нивах... Мы стремимся к тому, чтобы восстановить наши разрушенные города, мы стремимся по-новому воспитать

¹⁶ Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сборник документов. М., 2006, с. 105–107, 226.

¹⁷ *Deutscher I. Reportagen aus Nachkriegsdeutschland. Hamburg, 1980, S. 131.*

наших детей, мы стремимся вновь занять достойное место среди миролюбивых народов... И если мы хотим занять это место, необходимо изгнать нацистов вместе с их идеологией, не допустить возрождения, в том числе и в наших детях, преклонения перед грубой силой. Необходимо стать по-настоящему демократическим народом”¹⁸.

Мучивший писателя и совсем не популярный в тогдашнем общественном сознании вопрос о вовлеченности германского народа в злодеяния режима, о его вине и ответственности, вопрос о жизненной необходимости национальной самокритики был для него вопросом личного покаяния и искупления. В одной из статей, напечатанных в “Теглихе рундшау”, Фаллада писал: “Сегодня я в высшей степени сожалею, что тогда я сознательно закрывал глаза... Пришло время, чтобы вы проснулись и искренне, с открытыми глазами глянули на развалины на всей территории Европы – от ее восточных краев до английских островов – и чтобы вы ударили себя по груди и признали: *Mea culpa, mea maxima culpa!*”¹⁹”²⁰. Об этом же говорилось в повести “Кошмар”, над которой Фаллада работал в 1945–1946 гг. В произведении дан беспощадный диагноз собственного морального падения и морального падения немецкой нации. Это – летопись “ежедневных поражений, депрессии, болезней, малодушия” как “история болезни, история апатии, охватившей большую часть немецкого народа”: “В душе я возмущался, но ничего не сделал против”²¹.

У Фаллады были свои выношенные суждения о будущем немецкого народа, значительно отличающиеся от установок руководителей КПГ. У него не было иллюзий относительно того, что можно быстро изменить жизнь немцев – “народа попутчиков” – путем декретирования сверху. Сохранилось свидетельство советского писателя К.А. Федина, который, наряду с другими литераторами и журналистами, был направлен в Нюрнберг для освещения работы Международного трибунала. В конце декабря 1945 г. процесс был на время прерван по случаю рождества. Федин прибыл в Берлин и встречал праздник в доме своего старого знакомого Бехера. За одним столом оказались, вместе с другими гостями, столь разные люди, как председатель КПГ В. Пик и Фаллада.

Федин вспоминал об их примечательном споре: «Нервический, болезненно-не терпеливый Ганс Фаллада говорил обрывисто, внезапно задавая вопросы: “Простые немцы должны знать: что же дальше? Нюрнбергский процесс им безразличен, они боятся, что их вновь обманут. Они ненавидят свое прошлое, но не видят ясного будущего. Почему же будущее должно стать лучше прошлого?... Обыкновенный немец видит, что опять началось соревнование газет, война слов! Ему ничего не дается положительного. Он ждет позитивного, больше ничего!”». Пик терпеливо возражал, но Фалладу не убедили стандартные слова о рабочем классе как авангарде нации и ее социалистическом будущем. И он убежденно воскликнул: “Все это очень далеко от того, чем живут простые люди. Они признают только то, что они видят, а не то, о чем им говорят. Дело политика – подчинять себе действительность, а дело художника – показывать, какова она есть!”²².

“ТЕНЬ ГИТЛЕРА НАД ЕВРОПОЙ – ЭТО ТЕНЬ САТАНЫ”

В первой половине октября 1945 г. произошли события, чрезвычайно важные как для Фаллады, так и для немецкой литературы в целом. Несколько ранее из развалин здания нацистского “народного суда” были извлечены документы, которые оказались в

¹⁸ Цит. по: *Lange S.* “...wir haben nicht nur das Chaos, sondern wir stehen an einem Beginn...”. Hans Fallada 1945–1947. Neubrandenburg, 1988, S. 57–63.

¹⁹ Моя вина, моя величайшая вина (*lat.*) – формула покаяния и исповеди у католиков.

²⁰ *Tägliche Rundschau*, 12.XII.1945.

²¹ *Fallada H.* *Der Alldruck*, S. 7–8, 25.

²² *Fedin K.* *Ein Sohn des deutschen Volkes.* Zum 84. Geburtstag von Wilhelm Pieck. – Fedin und Deutschland. Berlin, 1962. S. 248–250; *Caspar G.* *Fallada-Sudien*, S. 257.

распоряжении Бехера. Это были материалы процесса против берлинской супружеской четы Отто и Элизы Хампель. Бехер решил, что документы могут стать основой произведения, которое должен написать именно Фаллада: речь шла о событиях в Берлине, где разворачивалось действие романа “Волк среди волков”. Речь о стихийной борьбе одиночек против режима – одиночки, противостоящие враждебной социальной среде, были героями предыдущих произведений Фаллады.

Бехер поручил генеральному секретарю Культурбунда Г. Вильману передать Фалладе документы дела супругов Хампель. Вильман полагал, что трагедия Хампелей может стать основой хорошего репортажа. Но Бехер возразил: “Но это больше, чем репортаж... Это материал для писателей. Поговори с Фалладой. Я думаю, он как раз подходящая фигура. Постарайся его убедить”. “Бехер посоветовал мне, – продолжал Вильман, – еще раз внимательно прочесть судебные документы и рассказать Фалладе об этих людях так, как будто я был их соседом”. Однако Фаллада категорически отверг предложение: “Он не был борцом Сопротивления. Он находился в общей массе, он не хотел казаться лучше, чем он был”. Но Бехер был непреклонен. “И когда я вновь пришел к писателю, – вспоминал Вильман, – и он понял, что речь идет не о политической акции, не о целеустремленной группе коммунистов, Фаллада взял папки с документами и обещал прочитать”²³.

Это были документы о казенных гестапо рабочем кабельного завода электроконцерна “Сименс” Отто Хампеле и его жене домохозяйке Элизе. Они одиноки и бездетны, у Элизы погиб любимый брат – при немецком вторжении во Францию. В тяжелейших условиях нацистского рейха, находясь в полной изоляции, эти никому не известные борцы-одиночки Сопротивления долгое время на свой страх и риск писали и распространяли открытки с антифашистскими призывами. В первой из папок, полученных Фалладой (15 листов), содержался текст смертного приговора, вынесенного 22 января 1943 г. “от имени немецкого народа” Отто и Элизе Хампель. Во второй и третьей папках находились материалы следствия и судебного заседания, а также вещественные доказательства: почтовые карточки, озаглавленные “Свободная пресса” и свернутые пополам листки почтовой бумаги с текстами воззваний. Здесь же были отчеты о принесенных напуганными берлинцами в гестапо или найденных в подъездах письмах. В гестапо хранилось 267 почтовых карточек из 285, написанных супругами Хампель. Лишь 18 открыток оказались недоступными для нацистов. Супруги Хампель писали свои листовки печатными буквами, неуклюжим полуграматным языком. Эти малообразованные люди с их корявой, спотыкающейся речью вовсе не были наивными. Они оказались куда прозорливее представителей нацистской элиты: в начале войны, когда Гитлер одерживал победу за победой, когда его безоговорочно поддерживало большинство немцев, супруги Хампель обратились к своим согражданам, призывая их свергнуть гитлеровскую диктатуру и покончить с войной.

“Немцы, слушайте! Не позволяйте себе, как немой скотине, ползать в ногах у диктатора. Мы должны порвать эти цепи, иначе будет поздно. Справедлива только такая война!... Долой систему уничтожения! Немец! Передай это дальше” (13 сентября 1940 г.). “Покончить с бонзами гитлеровского правительства! Правительство Гитлера – это рабство и беззащитность. Или ты думаешь, что оно все делает правильно? Нет! От года к году правительство звереет... Власти ведут преступную войну и посылают на смерть наших отцов и сыновей... Солдаты, прекратите преступную войну, которая ведется ради мировоззрения Гитлера! Гитлер – это предательство всех тружеников Европы!... Думай о себе, не поддерживай власть Гитлера!... Знай, ты выступаешь на стороне правительства, развязавшего преступную войну!” (2 февраля 1941 г.). “Ложь и обман – вот преступления Гитлера... Он и его банда украли у нас внутреннюю свободу и социальные права... Мы стали живодерами и жертвами... Система Гитлера означает для нас мучительную жизнь. Гитлер и его банда – это предатели народа!... В концлагерях мучают немецких христиан, и это преступление продолжается сегодня!...

²³ *Willmann H.* Steine klopft mit dem Kopf. Lebenserinnerungen. Berlin, 1977, S. 293–297.

Не поддавайтесь под влияние гангстеров Гитлера! Не позволяйте членам партии уговаривать себя! Тот идиот, кто позволяет себе думать, что правы Гитлер и его наемники. Тень Гитлера над Европой – это тень сатаны – посланца дьявола! Мужчины и женщины, нельзя думать однобоко, верьте только себе самим, помогите положить конец преступной гитлеровской системе! Не бойтесь бестий полиции Гимmlера! Без нас они бессильны. Мы должны показать зубы этой банде грабителей! Это необходимо! Немец – настоящий человек, который отдаст свою жизнь за свободу и социальные права. Гитлеровщина – вот враг!... Разорван пакт о ненападении с Россией, предатель Гитлер и его банда напали на одиннадцатое по счету государство. Они осквернили честь Германии. Немецкая женщина, не окажись во власти военной машины Гитлера!... Мы должны покончить с военной машиной Гитлера! Долой гитлеровщину, она не принесет мира немецкому народу!” (24 августа 1941 г.).

Тайная война Хампелей против фашизма продолжалась два года. 20 октября 1942 г. Отто Хампель был арестован и в тот же день, отвечая на вопрос о мотивах своего поступка, показал на допросе: «Моя позиция изменилась после смерти брата моей жены, который был убит во Франции. Мое отношение к государству стало предельно негативным... Признаю, что я был автором и распространителем провокационных прокламаций “Свободная пресса”. Заявляю, что я никого не привлекал к этим действиям и несу за них единоличную ответственность». И на следующий день: “С моей женой мы придерживались одинаковых взглядов”. Стремясь выгородить жену, Хампель заявил: “Распространением провокационных листовок занимался только я”. Но Элиза Хампель показала: “Я несу полную ответственность за наши поступки. Мой муж виновен не больше меня, мы действовали вместе”. 22 января 1943 г. председательствующий на заседании “народного суда” судья Эммерих приговорил Хампелей к смертной казни²⁴.

Супруги, определенно, надеялись на более мягкий приговор. Но был январь 1943 г., власти мстили своим противникам за Сталинград. 8 апреля 1943 г. в 19 часов 18 минут Отто Хампель был гильотинирован. Через две минуты была казнена Элиза Хампель²⁵. Палач, специально прибывший в Берлин из Мюнхена, получил 120 рейхсмарок – по 60 рейхсмарок за каждую отрубленную голову²⁶. Жалкое имущество, оставшееся от Хампелей (оцененное в 29 рейхсмарок) было конфисковано в пользу государства.

“КНИГА, ИСПОЛНЕННАЯ ПЕЧАЛИ И НЕГРОМКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЕЛИЧИЯ”

Фалладе были переданы три папки дела Хампелей (существовала и четвертая папка, об ее истории я расскажу позже). Реакция писателя последовала почти незамедлительно. 25 октября 1945 г. в газете “Теглихе рундшау” был опубликован его отклик: “Мне хочется показать, как маленький человек из самой гущи народа ведет борьбу – с самого начала безнадежную – против гитлеровской государственной машины и как эта тирания, подобная слону, размалывает в порошок маленького человека, который не может представлять для нее никакой опасности”²⁷.

В ноябрьском номере журнала “Ауфбау” была напечатана статья Фаллады под примечательным названием “Сопrotивление, которое все же существовало”. (Автор как будто спорит с людьми, отрицающими сам факт немецкого Сопrotивления.)

²⁴ После войны Эммерих, уйдя, как и большинство нацистских юристов, от наказания, до 1962 г. занимал высокий юридический пост в ФРГ в Саарбрюккене. – *Bies L. Die CDU-Saar – mit braunen Flecken. Saarbrücken, 2009, S. 17–18.*

²⁵ *Kuhnke M. Falladas letzter Roman. Die wahre Geschichte. Friedland, 2011, S. 25–33, 55–57, 64–68.*

²⁶ Палач благополучно дожил в ФРГ до 1972 г. – *Dachs J. Tod durch das Fallbeil: Der deutsche Scharfrichter Johann Reichhart (1893–1972). Berlin, 2001.*

²⁷ *Tägliche Rundschau. 25.X.1945.*

Но статья – это не первое впечатление о прочитанных документах, это – уже эскиз романа, предварительный итог осмысления фактов, преобразенных сквозь магический кристалл памяти и воображения писателя.

Уже намечены основные линии романа. Уже найдено имя героя будущего литературного произведения – Отто Квангель, его жену зовут Анна. Они были незаметны, никогда не выходили из общего ряда и до 1940 г., до гибели брата Анны на войне, были, как и миллионы простых немцев, “попутчиками” Гитлера.

Фаллада предельно жестко характеризует народ предателей, услужливо доносивших на инакомыслящих. Ведь большинство писем было добровольно отдано в гестапо теми, кто их получил: “Сколь плачевен итог упорных трудов! Сколь непостижим народ, который не может пощадить этих людей и промолчать, который должен немедленно донести на них!... Народ предателей, народ, вскормленный совратителем, народ который прославляет доносчиков, народ отцов, пишущих заявления на сыновей, народ сестер, не доверяющих братьям!”. Чрезвычайно выразительно представлены в наброске романа усилия – бесплодные на протяжении двух лет! – агентов гестапо по поимке авторов подброшенных писем: “Весь гигантский аппарат гитлеровской государственной машины оказался бессилён против человека-невидимки”.

Фаллада, которому были известны все тонкости немецкого судопроизводства, выражает недоумение по поводу того, что в переданных ему актах отсутствуют столь обычные ходатайства подсудимых и их родственников о помиловании.

Заканчивается статья на высокой шемящей ноте: “Оба они, Отто и Анна Квангель, завершили свой жизненный путь. Их протест не был услышан. Казалось бы, они напрасно принесли свои жизни в жертву борьбе, которая была бесплодной. А может быть, и не совсем бесплодной? А может быть, и не совсем напрасно? Я, автор будущего романа, надеюсь, что их борьба, их страдания, их смерть не были напрасны”²⁸. С издательством “Ауфбау” был подписан договор, согласно которому рукопись романа должна быть готова в начале 1946 г. Казалось бы, роман Фаллады находится в завершающей фазе.

Но 18 февраля 1946 г. в мюнхенской газете “Нойе цайтунг”, официальном органе американской военной администрации, было опубликовано обращенное к писателю “открытое письмо”. Это был явный донос: Фаллада был назван “бравым национал-социалистом”, “литератором, стремящимся добиться алиби от нацистской заразы”²⁹. Речь шла, подчеркивает исследовательница культурной жизни послевоенной Германии Л. Кренцлин, “не об убеждениях Фаллады, но о том, чтобы подорвать доверие к писателю, который под воздействием Бехера перешел на антифашистские позиции”³⁰.

Фаллада был до глубины души встревожен начавшейся против него пропагандистской кампанией: “Если против меня выступают американцы, существуют ли гарантии того, что я смогу продолжать литературную деятельность?”. Он опасался, и не без оснований, что издательство “Ауфбау” перестанет печатать его произведения³¹.

Худшие опасения Фаллады не оправдались – наверняка, об этом позаботился Бехер. Но “на всякий случай” издательство временно приостановило публикацию двух книг Фаллады.

В состоянии психического надлома Фаллада попал в клинику “Нойвестэнд”, где его безуспешно пытались отвратить от губительного пристрастия к морфию. Временами появлялась надежда, но доминировала тревога. Он писал, обращаясь к старому другу: “Кажется, мой успешный прорыв в немецкую литературу прекратился. Предложений

²⁸ *Fallada H. Über den noch vorhandenen Widerstand der Deutschen gegen den Hitlerterror. – Aufbau, 1945, № 3, S. 211–218.*

²⁹ *Die Neue Zeitung, 18.II.1946.*

³⁰ Цит. по: *Kuhnke M. Verstrickt in die Zeiten. Anmerkungen zu den verwobenen Lebenslinien von Johannes R. Becher und Hans Fallada. Neubrandenburg, 1999, S. 107.*

³¹ Цит. по: *Lange S. Op. cit., S. 12, 30.*

поступает достаточно, но сначала необходимо вернуть работоспособность”³². И в другом письме: “Бехер мной недоволен. Сидеть бы мне снова где-нибудь в деревне и, отводя душу, корпеть над романом”³³.

Тем временем ситуация становилась безнадежной. Жена Фаллады в поисках новых порций морфия утопала в долгах, продавая вещи и книги из библиотеки мужа. Фаллада вышел из больницы, но находился в тяжелом состоянии. В начале мая 1946 г. он пытался совершить самоубийство. И вновь его спас Бехер, поместив в клинику, расположенную недалеко от Панкова. Интенсивное беспощадное лечение методами дезинтоксикации продолжалось три месяца. Но, как писатель сообщает капитану Пересветову, он “очень медленно приходит в себя”³⁴. “Фаллада ищет новый путь”. Именно такое название должна была получить автобиографическая повесть, которую он закончил, выйдя из клиники. Повесть была опубликована под заглавием “Кошмар”. Итак, что же впереди: “новый путь” или “кошмар”? В последней главе повести Фаллада так пытался ответить на этот вопрос: “Жизнь народов наладится, наладится и жизнь Германии, этой бедной, этой любимой Германии – большого сердца Европы, которое вновь станет здоровым... Пожалуй, люди способны чему-то учиться. Учиться, пройдя через страдания, слезы и кровь. Учиться против своей воли, учиться нерешительно или увлеченно. Учиться тому, что можно по-иному думать и по-иному двигаться дальше”³⁵.

В середине сентября 1946 г. в адрес Фаллады было направлено письмо руководства киностудии “ДЕФА”³⁶. Готовя сценарии будущих художественных фильмов, вспомнили о статье писателя, напечатанной в ноябре 1945 г. в журнале “Ауфбау”, и об обещанном, но не написанном романе. 26 сентября был заключен договор. 1 октября 1946 г. Фаллада начал писать роман.

Завершив (через месяц!) роман, он так вспоминал о своей работе: “Когда я работал над статьей, стали очевидными трудности, связанные с материалом... Он был чересчур сухим, его было мало. Никаких признаков юности, никакого просвета, никакой надежды... Годилось для статьи на двадцать машинописных страниц, но никак не для романа на четыреста страниц! И кто будет все это читать?... Я действительно думал, что этот материал не для меня, я окончательно отложил его в сторону, выбросил его из головы... И я постарался забыть об этом сюжете, он явно не для меня... Но я и не подозревал о том, что мой мозг скрытно действовал, он видоизменял материал, обогащал его... Так выросло нечто масштабное, а я и не знал об этом”³⁷. Недаром Бехер говорил Пересветову, что Фаллада “может работать как одержимый”! Профессор Эссенского университета Ю. Мантей нашел точные слова для характеристики итогового этапа биографии Фаллады: “Всю жизнь он с переменным успехом вел борьбу с самим собой. То, что он вновь начал писать, стало теперь высшей точкой этой борьбы, его воли к жизни, его самосохранения”³⁸.

“Я ринулся, как пловец, в море моего романа, предназначенного для “ДЕФА”, и уже при первом рывке я понял, что он будет большой удачей”; “Я двинулся на полных парах, в стиле прежнего Фаллады: 15–20 машинописных страниц в день”³⁹. Это был небывалый творческий подъем: “Пишу ли я свои книги? Они пишутся внутри меня”, – писал Фаллада⁴⁰.

³² Цит. по: *Studnitz C. von. Es war wie ein Rausch. Fallada und sein Leben. Düsseldorf, 1996, S. 371.*

³³ Цит. по: *Lange S. Op. cit., S. 13.*

³⁴ *Ibid., S. 34.*

³⁵ *Fallada H. Der Alpdruck, S. 296–298.*

³⁶ Студия “DEFA” (“Deutsche Film-Aktiengesellschaft”), основанная в 1945 г. в Потсдам-Бабельсберге под Берлином, стала успешным производителем фильмов ГДР и просуществовала до 1991 г.

³⁷ *Fallada H. Lieschens Sieg und andere Erzählungen. Reinbek, 1973, S. 223, 224–226.*

³⁸ Цит. по: *Fallada in Pankow. Berlin, 1997, S. 17.*

³⁹ *Lange S. Op. cit., S. 18, 39.*

⁴⁰ *Fallada H. Lieschens Sieg und andere Erzählungen, S. 228.*

В предисловии к роману автор предупреждал читателей: «События этой книги в общих чертах соответствуют содержанию актов гестапо о нелегальной деятельности берлинской супружеской пары 1940–1942 гг. Но только в общих чертах – у романа свои закономерности, и он не может во всем следовать действительности... Но автор верит во “внутреннюю правду” своего рассказа»⁴¹.

Писатель переносит действие романа с северо-запада Берлина на северо-восток – из пролетарского района Веддинг (в 1920-е годы его называли “Красный Веддинг”) в район Пренцлауэр Берг, где состав населения был иным. Лишь в двух главах действие происходит в сельской местности северо-западнее Берлина.

Фаллада поселяет своих героев на реальной Яблонскиштрассе, но в доме под никогда не существовавшим номером 55 (улица заканчивалась строением 31). Именно в этом здании живут персонажи романа, именно здесь происходит вереница трагических событий. Роман чрезвычайно густо населен, в нем более полутора сотен персонажей: судьи, прокуроры, следователи, полицейские, эсэсовцы, чины гестапо, тюремные надзиратели, адвокаты, актеры, медсестры, собственники лавок, осведомители, лица без определенных занятий, шпики, игроки в тотализатор, проститутки, завсегдаятаи трактиров.

В книге сохранена подлинная хронология событий: с ноября 1940 по апрель 1942 г. Это – фаза наибольших успехов нацистов, наибольшей поддержки Гитлера разными слоями населения. Но подобно тому, как Фаллада превратил дом № 55 в “модель народного сообщества с его злодеями и жертвами, выигравшими и проигравшими, членами нацистской партии и беспартийными”⁴², в романе дана проекция всего периода нацистской диктатуры, от ее раннего этапа до неминуемого краха.

“Чудо этой прозы, – замечает журналист и культуролог К. Зайдль, – состоит в том, что Фаллада – это не просто писатель, но медиум, чувствительный аппарат, посредством которого мы слышим голоса прежних лет”⁴³. Сюжет книги разворачивается в Берлине, в пределах реально существовавших – и существующих ныне – улиц, площадей, железнодорожных вокзалов и станций метро⁴⁴.

На страницах книги нет ни одной военной сцены, но война зримо присутствует. Приходят похороны. После нападения Гитлера на СССР мебельная фабрика, где работал Отто Квангель, перешла на выпуск гробов. И Отто мучительно думал “обо всех тех людях, которые в этих гробах уходили в могилу: загубленные жизни, бессмысленно загубленные жизни”⁴⁵.

Атмосфера всеобщего страха опустилась над Третим рейхом – страха перед доносом и концлагерем, страха друг перед другом и перед самим собой. Никто из немецких художников слова не смог показать это убедительней Фаллады. “Весь воздух буквально провонял предательством. Ни один человек не доверяет другому, и в этой ужасной атмосфере люди, кажется, все более тупеют и становятся как бы только частями тех машин, которые они обслуживают”. Нацистский следователь говорит Отто Квангелю на допросе: “Все эти письма и открытки доставлены к нам добровольно... Люди бежали с ними сюда буквально сломя голову. Многие даже не дочитывали ваших открыток и только думали, как бы скорее от них избавиться”. Но массовая поддержка Гитлера не была лишь следствием страха. Немалую роль играл прямой подкуп различных слоев населения, их соучастие в преступлениях, в дележе военной добычи. В одной из открыток Квангелей сказана горькая правда: “Да, мы стали стадом баранов, и фюрер может погнать нас на любую бойню. Сами мы разучились думать”. Большая проблема вины и ответственности немецкой нации ранее была высказана в публици-

⁴¹ *Fallada H. Jeder stirbt für sich allein.* Berlin, 1947, S. 3.

⁴² *Prenzlauer Berg*, 2.V.2011.

⁴³ *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, 10.IV.2011.

⁴⁴ В современном Берлине по воскресеньям проводятся экскурсии по местам, связанным с Фалладой и его героями. – *Der Tagesspiegel*, 3.II.2007.

⁴⁵ *Фаллада Г. Каждый умирает в одиночку.* М., 1948, с. 311.

стике Фаллады, а теперь – средствами его художественного творчества. Писатель был убежден в том, что необходимо внутреннее перевоспитание немцев, что “торжество справедливости не будет торжеством нынешнего немецкого народа”⁴⁶.

В каком направлении происходила трансформация исходной документальной основы – истории супругов Хампель? Отто Квангель, в отличие от Хампеля, – не заводской рабочий, он столяр-краснодеревщик, мастер на предприятии по выпуску мебели. С женой Анной они прожили около 30 лет (Хампели – чуть больше 3 лет, они бездетны). “Два человека, которые за все эти тридцать лет прожили душа в душу, он – всегда угрюмый и замкнутый, и его жена, вносящая в их уединение немного тепла и света”⁴⁷. У Квангелей взрослый сын – Отто младший. Роман начинается с того, что пришло извещение о его гибели на войне. Это и служит причиной и началом протеста.

Романист настойчиво подчеркивает одиночество Квангелей, обыденность их интересов: “Отто Квангель так любит однообразие будней, размеренную жизнь, по возможности без всяких событий... Кто он? Простой рабочий: ему бы только тихо да мирно прожить, политика его не касается”. Поначалу супруги симпатизировали Гитлеру: “Оба они считали, что воз застрял в грязи, а фюрер его вытащил, ибо после того, как прогорела скромная столярная мастерская Квангеля, он четыре года был безработным и только в 1934 году поступил мастером на большую мебельную фабрику. Теперь он еженедельно приносит домой свои сорок марок. Этого им хватало”⁴⁸.

Недовольство системой началось с глухого протеста против укоренившегося социального неравенства: “До сих пор он твердо верил в добрые намерения самого фюрера. Надо только убрать всех облепивших его мух, всех трутней, падиких на легкую наживу и сладкую жизнь – и все наладится... Все хорошо оплачиваемые должности замещались нацистами, а хороших работников держали в черном теле... У нацистов нет ни стыда ни совести, а раз это так, то у него не может быть с ними ничего общего”⁴⁹.

Но после гибели сына все переменилось: “Нет, Квангель, прежним ты уже не будешь... Развить свою мысль он не решается. Он боится, по-настоящему боится того, куда заведет его эта мысль, если додумать ее до конца. Ведь тогда всю жизнь изменить надо!”. По воскресным дням Квангель пишет открытки и разносит их по подъездам больших берлинских домов. Фаллада отказывается от спотыкающегося языка прокламаций Хампелей. Тексты значительно короче и убедительней: “Матери! Фюрер убьет и ваших сыновей, он не успокоится и тогда, когда внесет горе во все дома всего мира!”; “Немцы, не забывайте! Началось с присоединения Австрии, затем последовали Судеты и Чехословакия, нападения на Польшу, Бельгию, Голландию”; “Неужели вы до сих пор не поняли, что фюрер постыдно обманывал вас, когда он заявлял, будто Россия вооружается, чтобы напасть на Германию?”; “Гитлер вероломно напал на Россию! Никто из русских и не думал о войне!”⁵⁰.

Преодолевая всеобщий страх, Квангели в одиночку надеялись на пробуждение сознания у людей, прочитавших листовки: “И таких как мы, будет все больше, Анна. Благодаря нам их будет больше. Может быть, мы и других наведем на мысль, и те тоже станут писать такие открытки, как я пишу. В конце концов, десятки, сотни будут сидеть и писать, как я пишу. Мы наводим Берлин нашими открытками, мы приостановим движение машины, мы свергнем фюрера, окончим войну”. Но постепенно приходило осознание того, что борьба в одиночку обречена, что необходимы иные ее пути. Несколько случайностей привели к провалу и аресту Анны и Отто. На первом допросе Квангель заявил: “По-моему, не важно, один ли борется или девять тысяч. Раз

⁴⁶ Там же, с. 310, 400, 173. 90.

⁴⁷ Там же, с. 26.

⁴⁸ Там же, с. 32, 43.

⁴⁹ Там же, с. 60.

⁵⁰ Там же, с. 65, 43, 150, 196–197, 301, 309–310.

человек решил, что должен бороться, он и будет бороться, хотя бы один. А я понял, что мне надо бороться. Дайте мне волю, и я опять буду бороться, только по-другому, совсем по-другому”⁵¹.

Несколько захватывающих глав романа посвящены длительной охоте нацистских ищек за неуловимым “невидимкой”. Сначала преследование вел полицейский комиссар Эшерих, затем комиссар Цотт, чьи портреты и действия описаны весьма колоритно. Полицейские несколько раз брали ложный след. Во всей этой истории ясно ощущается воздействие интриги романа Достоевского “Преступление и наказание”. Следом за Отто и Анной схватили Трудель, ее мужа Карла Херзелера, а также брата Анны.

Анна и Отто содержались сначала в следственной тюрьме; далее следовало подробно описанное Фалладой заседание так называемого “народного суда”. Целью председателя суда Фейзлера было моральное уничтожение подсудимых еще до объявления приговора. Автор явно имел в виду пресловутого нацистского фанатика Фрейслера, который успел до своей смерти во время бомбардировки Берлина в феврале 1945 г. вынести 2600 смертных приговоров врагам Третьего рейха⁵². Смертной казни подсудимых требовали и прокурор, и судья, и защитники. Подсудимые были удалены из зала суда: смертный приговор был вынесен в их отсутствие. Квангели держались мужественно. Отто, перед тем, как его вывели из зала, успел крикнуть: “Смерть Гитлеру! Смерть Герингу! Смерть Геббельсу, сукину сыну! Смерть Штрейхеру!”⁵³.

После вынесения приговора – ожидание казни в тюрьме Плётцензее. Для Фаллады важен был вопрос о том, писали ли Квангели прошения о помиловании. Такой была обычная практика. Отто Квангель, по версии автора, от прошения отказался, а за Анну такой документ был направлен ее родственниками. Квангель был казнен на гильотине, его жена погибла во время бомбардировки.

Диапазон противостояния немцев режиму, по Фалладе, был достаточно широк: от морального неприятия нацизма до активных форм Сопротивления. Письмоносица Эва Клуге демонстративно выходит из партии, ее увольняют с работы и грозят другими карами. Сосед Квангелей – отставной советник апелляционного суда Фромме прячет еврейку фрау Розенталь, пытаясь спасти ее от гибели. Зная о том, какой приговор ожидает Квангелей, он пронес на заседание “народного суда” цианистый калий (которым они так и не смогли воспользоваться). Кредо Фромма: “У меня есть повелительница, и ей я подчиняюсь, она управляет мною, вами, миром, даже теперешним миром там, на фронте, и эта повелительница – Справедливость”⁵⁴. Больная туберкулезом фройляйн Шёнляйн не чувствует “никакого испуга”. Она, что было категорически запрещено, слушает иностранное радио, скрывает в своей квартире противников рейха.

В нескольких главах романа содержится рассказ о действиях возглавлявшейся коммунистами молодежной антифашистской группы из пролетарской среды. К ней принадлежит Трудель Бауман – невеста погибшего на фронте сына Квангелей, впоследствии жена Карла Хергезеля. О действиях этой группы дают яркое представление слова Трудель: “Многое можем. Можем портить машины, можем плохо и медленно работать, можем срывать их плакаты и расклеивать свои, чтобы народ знал, как его обманывают, как ему очки втирают. Но главное, надо быть не такими, как они; никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя быть такими, как они, смотреть на все их глазами, Мы не станем нацистами, даже если бы им удалось завоевать весь мир... Мы как доброе семя в поле, среди сорных трав. Не будь этого доброго семени, все поле заросло бы сорняком, а доброе семя может дать всходы”⁵⁵.

⁵¹ Там же, с. 151, 401.

⁵² *Wieland G. Das war der Volksgerichtshof. Ermittlungen, Fakten, Dokumente.* Berlin, 1989; *Wagner W. Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat mit einem Forschungsbericht für die Jahre 1974 bis 2010 von Jürgen Zarusky.* München, 2011.

⁵³ *Фаллада Г.* Указ. соч., с. 493.

⁵⁴ Там же, с. 89.

⁵⁵ Там же, с. 44–45.

Руководитель группы коммунист Григолейт так излагает свою программу: “Дело вовсе не в том, много нас или немного борется с гитлеровским режимом, а в том, что если ты признал что-нибудь правильным, так надо за это и бороться. Ты ли дождешься плодов этой борьбы или только тот, кто займет твое место – совершенно все равно”⁵⁶. Но в этих словах звучит не только непреклонная воля, но и фанатично-жестокое понимание личности как винтика, как функции в политической борьбе. От акций группы грубо отлучается Трудель, от нее даже требуют самоубийства. В результате нелепого просчета Григолейта происходит ее арест, следом арест ее мужа Хергезеля, их гибель в нацистских застенках.

Установки и действия, когда для достижения благородной цели применяются любые средства, были абсолютно чужды Фалладе – его позиция становится ясной для внимательного читателя книги. Но нельзя умолчать и о том, что Фаллада был плохо знаком с деятельностью подпольных антифашистских групп. Поэтому образы молодых антифашистов (прежде всего Григолейта) явно уступают по выразительности другим персонажам романа.

Любимым героем автора, без сомнения, является дирижер доктор Рейхардт – сосед Квангеля в камере смертников. В беседе Рейхардта с Квангелем выражаются главные мысли Фаллады, раскрывается смысл названия романа: “Что же дает наше сопротивление?... Нам оно дает сознание, что мы умираем порядочными людьми. А еще больше даст оно народу, ибо он спасется ради единого праведника, как сказано в писании. Видите ли, Квангель, конечно, во сто раз лучше было бы, если бы нашелся человек, который сказал бы нам: действуйте так-то и так, у нас выработан такой-то план, – тогда, пожалуй, мы не докатились бы до 1933 года. А пока что мы действовали порознь, и всех нас выловили порознь, и каждому придется умирать в одиночку. Но из этого не следует, что мы одиноки, Квангель, и что умираем мы понапрасну. А ведь боремся за правое дело против грубой силы и потому в конечном итоге выйдем победителями... Неужели лучше жить для неправого дела, чем умереть за правое? А выбора нет, ни для вас, ни для меня. Раз мы такие, как мы есть, – другого пути нам не было”⁵⁷.

Это не единственное ключевое высказывание. В тексте есть еще одно, принадлежащее автору книги: “Но в чем собственно так провинился доктор Рейхардт, чтобы считать себя смертником – этого Квангель толком не узнал до конца. Не похоже было, чтобы сожитель его восставал активно против гитлеровской диктатуры, участвовал в заговорах, расклеивал воззвания, подготавливал террористические акты. Он просто жил, не кривя душой, не поддавался на приманки национал-социализма, ни разу ни словом, ни делом, ни деньгами не помог им, зато часто поднимал предостерегающий голос. Он открыто говорил, что считает пагубным тот путь, по которому пошел немецкий народ при гитлеровском руководстве, – словом, он направо и налево, на родине и за границей высказывал то, что считанными словами, неумело выражал Квангель в своих открытках”⁵⁸. Существо тоталитарного режима в том и состоит, чтобы не давать людям “жить, не кривя душой”...

У дирижера Рейхардта (безусловно, наряду с некоторыми автобиографическими чертами) был реальный прототип – преподаватель музыки А. Шмидт (1895–1943). С Фалладой его связывала давняя дружба. В мае 1933 г. Шмидт был арестован за связь с лейпцигскими коммунистами Г. Боховом и Ф. Маем. Перебравшись после тюрьмы в Берлин, Шмидт организовал школу для обучения игры на фортепиано. В начале Второй мировой войны музыкант установил контакты с подпольной группой молодых антифашистов под руководством Х. Гюнтера (скорее всего, деятельность этой группы стала основой для описания акций Григолейта и его друзей в романе Фаллады⁵⁹). Осенью 1941 г. участники группы Гюнтера были арестованы, а Шмидт брошен в концла-

⁵⁶ Там же, с. 307.

⁵⁷ Там же, с. 452.

⁵⁸ Там же, с. 450.

⁵⁹ *Kuhnke M.* Falladas letzter Roman, S. 103–104.

герь Заксенхаузен, а затем в тюрьму Плётцензее. 5 апреля 1943 г., через три дня после казни Квангелей, Шмидт был гильотинирован⁶⁰. В 1946 г. Фаллада получил возможность познакомиться с его письмами и стихами, написанными в камере смертников. В архиве писателя хранится неопубликованный очерк о Шмидте⁶¹.

58-я глава романа носит название “Добрый пастор”. Вот ее начало: “Этого человека каждый день ожидали сотни заключенных, видя в нем единственного друга во всей тюрьме, единственную связь с внешним миром. Ему они поверяли свои горести и нужды, и он помогал им, сколько было в его власти, во всяком случае, много больше, чем было дозволено. Неумоимо переходил он из камеры в камеру, всегда был чуток и отзывчив к страданиям других, забывая о своих собственных и не зная страха за себя. Это был поистине духовный пастырь, никогда не спрашивал о вероисповедании тех, кто искал помощи, молился с теми, кто просил о молитве, и всем равно был братом”⁶².

Образ пастора Фридриха Лоренца – почти точный портрет протестантского священника тюрьмы Плётцензее Х. Пёльхау (1903–1972), который был связан с берлинской подпольной группой, помогавшей евреям. И в тюрьме, и на воле пастор оказывал поддержку священникам католической и протестантской конфессий, сторонникам мятежной исповедальной церкви, членам кружка Крайзау и “Красной капеллы”. В первые послевоенные месяцы Пёльхау был одним из основателей берлинской организации Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме⁶³.

Через весь роман проходит непрерывная череда смертей: сын Квангелей погиб на фронте, фрау Розенталь покончила жизнь самоубийством, Трудель бросилась в пролет тюремной лестницы, Карлу Хергезелю нацистские следователи проломали голову, казнены коммунисты Григолейт и Енш, исполнен смертный приговор доктору Рейнхардту, Хефке – брат Анны сошел с ума и убит, пастор Лоренц умер от чахотки... Но, был уверен Фаллада, “их борьба, их страдания, их смерть не были напрасны”. Несколько раз на протяжении романа автор возвращается к евангельской притче о добром семени [*Матф.* 13: 13–30].

Роман был завершен. Понадобилось около трех недель на редактирование и перепечатку текста. 24 ноября 1946 г. Фаллада отправляет рукопись в издательство “Ауфбау” и на киностудию “ДЕФА”. Тогда же издательство опубликовало проспект романа: “Книга, исполненная печали и негромкого человеческого величия: оставаться порядочным или погибнуть. Нет, оставаться порядочным и погибнуть!”⁶⁴. Писатель был уверен: «Наконец-то, после долгой паузы я обрел свою прежнюю силу. Этот роман, я думаю, будет ничем не хуже, чем “Волк среди волков”»; “Я полуживой, но очень рад тому, что написал эту книгу. Наконец, я вновь стал Фалладой!”; “За четыре недели – 550 машинописных страниц. Я даже думаю, что вышло неплохо, это прежний Фаллада”⁶⁵.

Прежний Фаллада? Прежней осталась социальная направленность романа, неповторимое умение преодолеть грань между серьезной словесностью и остросюжетным чтением. Но пришло нечто новое. Положительные персонажи опубликованных ранее произведений Фаллады никогда активно не противостояли враждебной среде. Ни в одной из своих книг он не давал ответа на вопрос “Маленький человек, что же дальше?”. В новом романе главными героями стали люди, бросившие вызов системе и погибшие в этой борьбе.

⁶⁰ Hoffmann V. Der Dienstältteste von Plötzensee. Das zerrissene Leben des Musikerziehers Alfred Schmidt-Sas (1895–1943). Berlin, 1998.

⁶¹ Kuhnke M. Falladas letzter Roman, S. 106–121.

⁶² Фаллада Г. Указ. соч., с. 458.

⁶³ Poelchau H. Die letzten Stunden. Erinnerungen eines Gefängnispfarrers. Berlin, 1987; Schup-pener H. “Nichts war umsonst”. Harald Poelchau und der deutsche Widerstand. Berlin, 2006.

⁶⁴ Kuhnke M. Falladas letzter Roman, S. 49.

⁶⁵ Hans Fallada. Sein Leben in Bildern und Briefen, S. 246–247; Lange S. Op. cit., S. 18.

Это был новый Фаллада, переживший мучительный процесс духовного очищения. «Роман, явно написанный по заказу, – утверждал автор, – стал моим романом, моим собственным произведением. Несомненно, выполнялся не очень желательный заказ, но, несомненно, это был мой роман»⁶⁶.

Но вслед за днями небывалого творческого подъема последовала физическая и моральная катастрофа – самая серьезная и самая последняя трагедия в жизни Фаллады. Из больницы возвращается жена, а с ней – новые порции морфия. 6 декабря 1946 г. – опять с помощью Бехера – он был помещен в берлинскую клинику «Шарите», а затем в госпиталь в районе Нидершёнхазен, недалеко от дома, где был написан роман «Каждый умирает в одиночку». Здесь писатель и скончался от остановки сердца 5 февраля 1947 г. Теперь в этом здании находится школа имени Ганса Фаллады.

СОМНИТЕЛЬНЫЙ АВТОР?

В речи, произнесенной на похоронах Фаллады, Бехер четко и выразительно подвел политические, этические и художественные итоги жизни своего друга. Он был, по словам Бехера, «частью Германии – не лучшей и не худшей», «раздираемый противоречиями интересный человек, и противоречия, которые он олицетворял собой, не были только его противоречиями. Он олицетворял собой, своими душевными кризисами положение Германии... Ничто человеческое, ничто бесчеловечное не осталось ему чуждым». Фаллада являлся, с полным основанием полагал Бехер, воплощением той части немцев, которая, «будучи исполнена доброй, но слабой воли, оказывается также виновной в возникновении «непредвиденных обстоятельств»». Последние годы жизни Фаллады были временем трагических усилий, «отчаянной борьбы за свою жизнь». Закатный роман Фаллады, основой которого стало «противодействие бесчеловечности», стал «попыткой немецкого писателя, впутанного в преступления последних десятилетий, исповедаться и взять на себя долю вины». Фаллада задавал себе и современной ему Германии мучительный и пугающий вопрос «Что же дальше?». На этот вопрос, заключал Бехер, «на вопрос нашей судьбы, вопрос, на который он не ответил своей жизнью, должны ответить мы в будущем, но – без него»⁶⁷.

Очевидно, далеко не все тогдашние слушатели и читатели надгробной речи Бехера (текст был опубликован в журнале «Ауфбау»), поняли и оценили значимость этого документа. Одни потому, что не разделяли его культурно-политических установок, а другие потому, что роман «Каждый умирает в одиночку» все еще – и не без серьезных затруднений – готовился в печати. Рукопись читали четыре анонимных эксперта, которые, кажется, сделали все, чтобы роман не вышел в свет. Было предъявлено 44 замечания, среди которых немало абсурдных: неверно указано время отправления поезда Берлин – Мюнхен; не учтен режим светомаскировки в Германии 1941 г. Но дело было не в отдельных замечаниях, а в уничтожающем выводе: «Чтение вызывает неприятные ощущения... В этом романе отсутствует средний человек, есть только черные и белые персонажи... Развлекательный роман с политическими довесками... Никому он в Германии не нужен... Сомнительный характер романа станет очевидным, если сравнить его с таким исключительно правдивым и убедительным произведением, как книга Анны Зегерс «Седьмой крест»»⁶⁸.

В первый, но не в последний, раз предпринималась попытка противопоставить друг другу классические произведения немецкой антифашистской литературы. Речь шла отнюдь не о советских цензорах, которые всецело полагались на мнение Бехера, а о немецких перестраховщиках, которые чутко уловили подозрительность партийного руководства по отношению к «сомнительному» автору. 31 декабря 1946 г. директор издательства «Ауфбау» К. Вильгельм в письме Фалладе предложил писателю прислушаться к некоторым (не ко всем!) замечаниям и «загладить» определенные места, что-

⁶⁶ *Fallada H.* Lieschens Sieg und andere Erzählungen, S. 227.

⁶⁷ *Becher J.R.* Was nun? Zu Hans Falladas Tod. – Aufbau, 1947, № 2, S. 97–101.

⁶⁸ *Kuhnke M.* Falladas letzter Roman, S. 47–48.

бы “избежать дешевой критики со стороны газет и журналов разных направлений”⁶⁹. Но этого письма Фаллада, находившийся в клинике, уже не прочитал...

В апреле 1947 г. началась публикация избранных глав романа “Каждый умирает в одиночку” в популярном иллюстрированном еженедельнике “Нойе Берлинер иллюстрирте”, а в мае появилось быстро раскупленное отдельное издание тиражом 10 тыс. экземпляров. В текст романа была внесена незначительная правка: убраны “чересчур грубые выражения”, сокращена глава о группе Григолейта, снято ее именование “коммунистической”.

700-страничный том при помощи офицеров СВАГ был доставлен в Москву. 19 мая 1947 г. на имя сопредседателя СЕПГ В. Пика поступила срочная телеграмма от московского издательства иностранной литературы, где шла подготовка русского перевода романа, с просьбой сообщить биографические данные Фаллады, особенно факты о его позиции в 1933–1945 гг. Пик не стал советоваться с Бехером и переслал просьбу по инстанции руководящим функционерам-коммунистам В. Ульбрихту и А. Абушу. Ответ в Москву последовал за подписью Ульбрихта: “Роман можно публиковать, но без биографии автора”⁷⁰. Русское издание романа, образцово осуществленное в 1948 г. Н.Г. Касаткиной, В.О. Станевич и И.С. Татариновой, было первым из переводов книги “Каждый умирает в одиночку” на иностранные языки. Обстоятельное предисловие Т.Л. Мотылевой являлось, очевидно, первым в мире опытом научно-политического анализа этого романа.

Для руководства СЕПГ Фаллада оставался, вопреки мнению Бехера, писателем маложелательным. Свидетельство тому – публикация в 1948 г. в ведущем партийном журнале “Айнхайт” статьи Х. Рейна о “казусе Фаллады”. Согласно Рейну, для Фаллады «не было “никакого различия между национал-социализмом и Германией”, а после 1945 г. он, будучи “не в состоянии преодолеть груза своих мелкобуржуазных идей”, сумел лишь “приспособиться к новым условиям”. Что же касается романа “Каждый умирает в одиночку”, то это произведение якобы “не может служить типичным выражением своего времени”, “полностью лишено внутреннего оптимизма”, его “нельзя считать удачей”, поскольку оно является всего лишь образцом “чистейшей развлекательной литературы»⁷¹.

Появление на страницах партийного официоза критической статьи вульгарно-социологического толка было не случайным. Для руководства СЕПГ существовал лишь один вариант трактовки истории Сопrotивления как движения, исключительно подконтрольного коммунистам. Замалчивались антифашистские акции одиночек, не принадлежавших к промышленному пролетариату. Партийных лидеров, пришедших к власти в Восточной Германии, не устраивало и напоминовение о вине широких масс немецкого народа за установление и функционирование гитлеровской диктатуры. Не исключено, что статья в “Айнхайт”, была косвенно направлена против Бехера, который в 1948 г. уже не был фигурой, определявшей курс политики в сфере культуры. Возможно, публикация романа не в 1947, а в 1948 г. была бы уже невозможной.

Что же касается Бехера, то его оценки Фаллады не претерпели изменений. В дневнике Бехера за 1950 г. содержатся такие высказывания: “Неожиданно я вспомнил о Фалладе... Мой добрый любимый друг, один из лучших моих друзей... Ты, великодушный рассказчик, сочинитель историй, неистощимый, страстный труженик, великодушный, искрящийся талант”; “О Фалладе необходимо сказать многое: об этом человеке – интересном, полном противоречий, одновременно заслуживавшем любви и неприятном, порядочном и жалком, верном и наглom – и одним из лучших писателей нашего времени, о действительно одержимом творчеством”⁷². В октябре 1953 г. в од-

⁶⁹ Ibid., S. 48.

⁷⁰ Ibid., S. 50.

⁷¹ Rein H. Die große Literatur des kleinen Mannes. Der Fall Fallada – Einheit. 1948, № 8, S. 711–716.

⁷² Becher J.R. Auf andere Art so grosse Hoffnung. Tagebuch 1950. Mit Eintrågungen 1951. Berlin, 1952, S. 296, 439.

ном из писем Бехер подтвердил свою позицию: “С давних пор я особенно ценил его как писателя и, еще будучи в эмиграции, стремился вытащить его из катастрофического состояния и привлечь к делу создания новой Германии”⁷³. Литературовед Г. Каспар, трактуя происхождение последнего романа Фаллады, утверждает: “То, что для Бехера было эпизодом, стало для Фаллады смыслом оставшейся жизни”⁷⁴. Что касается Фаллады – правильно. Но была ли для Бехера дружба с Фалладой всего лишь эпизодом? Над рабочим столом Бехера в его кабинете висела посмертная маска Фаллады.

Парадоксально, но в книге западногерманского литературоведа Х. Мёбиуса тезис Рейна о мелкобуржуазной ограниченности писателя Фаллады был воспроизведен едва ли не дословно: “Фаллада критически настроен по отношению к национал-социализму, но его представления отражают типичную мелкобуржуазную идеологию, которая напрямую связана с фашизмом”⁷⁵. К тому же, как заметил профессор университета Севани, штат Теннеси (США) Р. Цахау, в ФРГ Фаллада “никогда не был общегерманским автором”, сохранялась “дистанция между публикой и социально ангажированным автором”⁷⁶.

Восприятие книги “Каждый умирает в одиночку”, в которой много раз говорилось об агрессивной войне Третьего рейха против СССР, во многом определялось атмосферой “холодной войны”. Происхождение и публикация романа была связана с именем Бехера – министра культуры ГДР и автора государственного гимна “первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства”, биографа Ульбрихта. К тому же многие сцены романа происходили в Восточном Берлине – столице ГДР.

В 1963 г. западногерманский журнал “Шпигель” опубликовал обширное биографическое эссе о Фалладе. Автор очерка счел за лучшее не упоминать о последнем произведении писателя⁷⁷. Лишь в статье, написанной гамбургской исследовательницей литературы У. Тайлиг совместно с журналистом М. Тётенбергом, была дана правдивая характеристика последнего романа Фаллады – “произведения, игнорируемого литературоведческой наукой ФРГ”. Книга, по словам авторов, содержащая призыв к политической активности и знаменовавшая преодоление кризиса мировоззрения Фаллады, определялась как вершина его творчества. Эта статья была опубликована в 1980 г. в альманахе Союза антифашистов ФРГ⁷⁸ и явно шла вразрез с доминировавшими тогда в западногерманском общественном мнении установками.

ЧЕТВЕРТАЯ ПАПКА

Во второй половине 1980-х годов в обстановке назревавшего общественно-политического кризиса в ГДР все чаще раздавались голоса о необходимости пересмотра традиционных для марксистской историографии трактовок нацистской диктатуры, явно приходивших в противоречие с историческими фактами. Это касалось, прежде всего, необходимости исследования проблематики массовой поддержки Третьего рейха, равно как и движения Сопротивления в его различных формах. К сожалению, требования такого рода выдвигались не профессиональными историками, а преимущественно литераторами. Налицо было прямое воздействие гласности, провозглашенной в СССР.

⁷³ *Becher J.R. Briefe 1909–1958, S. 463.*

⁷⁴ *Caspar G. Im Umgang, S. 185.*

⁷⁵ *Möbius H. Der Sozialcharakter des Kleinbürgers in den Romanen Falladas. – Stereotyp und Vorurteil in der deutschen Literatur. Untersuchungen zu Autoren des 20. Jahrhunderts. Göttingen, 1978, S. 107.*

⁷⁶ *Zachau R. Der politisierte Autor. Schwerpunkte der Fallada-Rezeption in Westdeutschland. – Zeit vergessen, Zeit erinnern. Hans Fallada und das kulturelle Gedächtnis. Göttingen, 2008, S. 189–190.*

⁷⁷ *Der Spiegel, 1963, № 21, S. 70–76.*

⁷⁸ *Theilig U., Töteberg M. Das Dilemma eines deutschen Schriftstellers. Hans Fallada und der Faschismus. – Sammlung 3. Jahrbuch für antifaschistische Literatur und Kunst. Frankfurt a.M., 1980, S. 72–87.*

Публицист Г. Цвойдрак, выступая на страницах журнала “Вельтбюне”, призывал “покончить с временами, когда господствуют многоточия и цитаты... Читатель требует правды, полной правды, никак не меньше. Это полностью относится к документам нацистского периода... Нам не хватает знания многих, очень многих фактов, которые мы должны знать, чтобы прийти к собственным выводам”⁷⁹.

Это касалось и документов о деле Отто и Элизы Хампель, хранившихся в Центральном партийном архиве СЕПГ и недоступных исследователям. Очевидно, известный в ГДР ученый К. Дробиш был первым историком, кто ознакомился с актами судебного дела супругов Хампель. В мае 1987 г. он опубликовал об этом статью. Дробиш, в этом его несомненная заслуга, впервые воспроизвел фрагменты прокламаций Хампелей, но в целом остался в рамках идеологизированных подходов к истории антифашистской борьбы. Вступая в противоречие с фактами он (правда, с оговоркой “предположительно”) даже попытался приписать одиночкам Хампелям некое “влияние организаций Сопротивления, находившихся под руководством КПГ”. Относительно романа “Каждый умирает в одиночку” было сказано: “Фаллада относительно точно следовал первоначальным фактам о своих главных персонажах, хотя он дал им фамилию Квангель, свободно обошелся с их жизненными обстоятельствами и не полностью использовал их мысли, содержащиеся в нелегальных текстах”⁸⁰.

Но Дробиш не решился (или ему не разрешили) предать гласности документы из четвертой папки судебного дела, три первых папки которого были в свое время переданы Фалладе. Это были прошения о помиловании, подписанные как Отто Хампелем, так и Элизой и ее родственниками. Вспомним: Фаллада недоумевал по поводу отсутствия в деле документов такого рода.

Как ни тяжело об этом говорить, но после вынесения им смертных приговоров подсудимые, которые держались до этого гордо и мужественно, дрогнули, утратили стойкость, надеясь спасти свои жизни. Они вели себя совсем не так, как в романе Фаллады... Но кто их может осудить? Первой рассказала об этом писательница Х. Шуберт, выступая в ноябре 1987 г. на X (и последнем) съезде писателей ГДР. Готовя книгу о доносах и доносчиках нацистского времени, она добивалась допуска к актам Центрального партархива. Шуберт была потрясена: “То, что я прочитала, было столь печальным, что я начала плакать... Документы серьезно отличаются от того, о чем говорится в романе”. Папка содержала прошения о помиловании и акт о казни (98 листов). Документы предназначались для судебных процессов, инициированных советскими военными властями. В деле есть пометки на русском языке: были указаны фамилии лиц, выступавших на суде против Хампелей.

Шуберт решила, что Фаллада сознательно искажил действительный ход событий: “нужно было выпустить книгу о простых людях, которые пожертвовали жизнью в борьбе против варварства и до конца не утратили стойкости”⁸¹.

Неправоту Шуберт убедительно показал авторитетный исследователь творчества Фаллады М. Кунце. Он утверждал, что Фаллада осознавал неполноту полученных им материалов. Об этом свидетельствуют его высказывания в статьях и в личных письмах.

Сразу после вынесения смертного приговора Отто Хампель направил прошение о помиловании главному имперскому прокурору. Независимо от мужа аналогичное прошение было направлено Элизой Хампель, ее сестрами и племянницами. Горько читать эти свидетельства отчаяния и моральной подавленности – супруги взаимно обвиняли друг друга⁸². Разумеется, нацистский суд и высшие власти рейха не обратили никакого внимания на прошения о помиловании.

⁷⁹ *Cwojdrak G.* Literaturlandschaft Leipzig. – Die Weltbühne, 1987, № 13, S. 395.

⁸⁰ *Drobisch K.* Elise und Otto Hampel. Jeder starb für sich allein. – Der antifaschistische Widerstandskämpfer, 1987, № 5, S. 14–15.

⁸¹ X. Schriftstellerkongress der DDR. 24.–26. November 1987. Berlin, 1988, S. 94–95.

⁸² *Kuhnke M.* Falladas letzter Roman, S. 31–39.

Были ли эти документы известны Бехеру? Не посчитал ли он чересчур опасной жестокою правду о моральном падении Хампелей? Не скрыл ли он правду от Фаллады, дабы добиться максимально возможного воспитательного эффекта от задуманного романа? На эти вопросы мы уже никогда не получим ответа.

“ЭТА КНИГА ВОЗНИКЛА ИЗ НЕБЫТИЯ И ПОПАДАЕТ В САМУЮ ТОЧКУ”

В обоих германских государствах роман “Каждый умирает в одиночку” многократно издавался и дважды экранизировался⁸³, но его подлинный смысл зачастую ускользал от читателей и кинозрителей. В 2009–2011 гг. ситуация изменилась. Новый всплеск интереса к роману неожиданно пришел в Германию из-за рубежа. Тиражи книги, вышедшей в Великобритании и в США, достигли нескольких сотен тыс. экз. Одна влиятельная немецкая газета с удивлением констатировала: «В Великобритании тридцать лет не вспоминали о Фалладе. Но теперь там полюбили его роман “Каждый умирает в одиночку”. Он даже продается в супермаркетах». Причину этого “издательского феномена” автор газетной статьи видит в “изменении восприятия гитлеровского периода”⁸⁴.

По мнению британских изданий, книга является “обнаженным описанием страха”, а “в заключительных главах роман достигает настоящего трагического величия, в то время как незэмоциональное описание спокойного мужества является демонстрацией того, что даже в обстоятельствах враждебности человеческая порядочность не гложет окончательно”⁸⁵. Не менее выразительны отклики американских изданий: «В 2009 г. произошло знаменательное событие, которое могло произойти еще в конце 60-х годов, будь наши издатели проницательней. Это – запоздалое появление на английском языке романа “Каждый умирает в одиночку”... Когда читаешь книгу, это послание из самых мрачных лет XX в., то тебя сопровождает сведущий и мрачный призрак, который хватает тебя за плечо и шепчет в ухо: “Вот как это было. Вот как это случилось”»; “Картины страха в романе – это полицейский рапорт, сведенный воедино с картинами Георга Гросса и Иеронима Босха. И книга читается не как воспоминание о далеком прошлом, а как свидетельство человека, который не может этого забыть”⁸⁶. Пришло понимание того, что в романе языком художественных образов представлена анатомия тоталитарного общества.

В 2011 г. в берлинском издательстве “Ауфбау”, где в 1947 г. был отпечатан первый тираж книги Фаллады, роман вышел в авторском варианте⁸⁷. Реконструкция первоначального текста стала результатом тщательной работы исследовательницы немецкой литературы XX в. А. Гизике. Книга вызвала широкий интерес и продержалась 23 недели в списках бестселлеров, еженедельно публикуемых журналом “Шпигель”. Фаллада стал “общегерманским писателем”.

В чем же причины внезапного пристального внимания к роману, представлявшему, как казалось многим, едва ли не антикварную (а то и детективную) ценность?

В ФРГ (в особенности после объединения Германии) произошли существенные перемены в постижении нацистского прошлого. Эволюция общественного сознания вызвана не только сменой поколений, но и прогрессом исторической науки. Прежде германская историческая наука и национальное историческое сознание в течение десятилетий не могли подняться до концептуального уровня художественных обобщений, содержащихся в книге “Каждый умирает в одиночку”.

Значимым оказался прорыв в исследовании “микрокосмоса” общественных отношений в нацистской Германии, проблематики “истории повседневности” – мас-

⁸³ В ГДР – в 1970 г. (режиссер Г.-Й. Каспрцик), в ФРГ – в 1975 г. (режиссер А. Форер).

⁸⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 6.VIII.2010.

⁸⁵ The Times Literary Supplement, 8.V.2009; Independent on Sunday, 24.V.2009.

⁸⁶ The New York Times Book Review, 1.III.2009; San Francisco Chronicle, 7.VI.2009.

⁸⁷ Fallada H. Jeder stirbt für sich allein. Berlin, 2011.

сового поведения и массового сознания, ментальности немцев в 1933–1945 гг. Влиятельный ученый Д. Пойкерт отмечал: изучение проблематики “обыкновенного фашизма” раскрывает «потрясающую картину “нормальной жизни”, оборачивающейся террором»⁸⁸.

Видный исследователь нацистской диктатуры профессор Йельского университета Дж. Тёрнер⁸⁹ указывал на принципиальную важность трагического романа Фаллады для постижения прошлого: “Только в немногих других художественных произведениях можно прочесть об истинно душераздирающей истории, которая столь ощутимо передает порочную атмосферу страха, запугивания и подозрительности, господствовавшую в течение последних апокалиптических лет Третьего рейха... Из его произведений историки могут узнать многие факты о немцах первой половины прошлого столетия. Иначе эти факты могли бы остаться вне поля тщательных исследований”⁹⁰.

В последние годы внимание научной общественности и средств массовой информации ФРГ было привлечено к книге историка Г. Али “Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм”. На основе интенсивных изысканий в архивах автор дал новую трактовку важнейшего феномена Третьего рейха – массовой поддержки Гитлера и его режима. В ФРГ ответственность за нацистские злодеяния привычно возлагалась на Гитлера и на отдельных преступников, а в ГДР – на капиталистические монополии. Али дает свой ответ на вопрос о высокой степени интеграции немецкого общества в предвоенный и военный период. Автор трактует нацистский режим как “диктатуру услужливости” по отношению к подавляющему большинству немцев. Гитлер и его приспешники “каждый день покупали их открытую поддержку или, по меньшей мере, равнодушие”⁹¹.

В исторической науке ФРГ постепенно получила признание концепция имманентной неоднородности германского движения Сопротивления, несхожести входивших в него идейно-политических течений. Был услышан призыв мангеймского профессора П. Штайнбаха “представить и признать германское Сопротивление во всем его многообразии и глубине”⁹². Развернулось изучение деятельности не только различных групп Сопротивления, руководимых коммунистами, социал-демократами, представителями церковной и военной оппозиции, но и мужественных действий антифашистов-одиночек, на первом плане у которых находились идеи несовместимости нацистской диктатуры с моральными и гуманистическими принципами. На обложках англоязычных изданий романа неизменно приводились слова итальянского писателя-антифашиста, бывшего узника Освенцима П. Леви, который назвал роман Фаллады “лучшей книгой о немецком Сопротивлении против национал-социализма”.

Не случайно в отзывах международной и немецкой печати на выход в свет новых изданий романа Фаллады говорилось не только о художественных достоинствах книги, но прежде всего об исторически достоверных свидетельствах повседневной жизни нацистского периода. Газета “Миттельдойче цайтунг” признавала: “Этот новый старый роман, автор которого скончался через несколько недель после его завершения,

⁸⁸ *Peukert D.* Alltag und Barbarei – Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit. Frankfurt a.M., 1987, S. 61.

⁸⁹ *Turner Jr. H. A.* German Big Business and the Rise of Hitler. New York, 1985; *idem.* Hitler's Thirty Days to Power: January 1933. Boston, 1996; *idem.* General Motors and the Nazis: The Struggle for Control of Opel. Europe's Biggest Carmaker. Yale, 2005.

⁹⁰ *Turner H.A.* Hans Fallada for Historians. – *German Studies Review*, 2003, № 3, p. 490–491. Началом изучения в России произведений Фаллады в контексте истории Германии является кандидатская диссертация О.А. Дроновой, защищенная в 2005 г. в Тамбовском государственном университете.

⁹¹ *Aly G.* Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt a.M., 2005, S. 36.

⁹² *Steinbach P.* Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994, S. 19.

обладает качествами литературного и исторического документа”⁹³. Примечательно мнение журналиста и культуролога К. Зайдля: “Причина того, что господство нацистов длилось 12 лет, состояла не только в том, что преступная клика находилась во главе государства и его институтов. Это господство смогло удержаться потому, что слишком многие немцы были коррумпированы, аморальны и жестоки, извлекая прибыль из злодеяний режима”⁹⁴.

Публицист С. Хаммелеле писал в марте 2011 г.: «Не поддающееся времени величие книги состоит в том, что она показывает повседневную жизнь нацистского общества в ее грязном убожестве, в ее банальности зла... Роман вышел в свет за несколько десятилетий до исследования Али “Народное государство Гитлера”, в котором национал-социализм предстает в виде громадной машины разбоя и обогащения»⁹⁵. Г. Диц, сотрудник “Шпигеля”, заметил: “Эта книга возникла из небытия и попала в самую точку. Мир 2011 г. читает роман для того, чтобы понять, как это могло случиться... Чтобы рассказать о пугающей повседневности нацистского времени, Фаллада, свидетель происходивших событий, избрал средства сострадания к маленькому человеку и безыскусного реализма”⁹⁶. Комментатор Германского радио М. Куссман отмечал важность того, что в романе речь идет о “малом Сопротивлении” простых людей, которое раньше не хотели замечать. Книга Фаллады позволяет читателю оказаться “по ту сторону прежних клише”⁹⁷.

Во времена нацистского господства Ганс Фаллада далеко не всегда был отважен и правдив. Однако романом “Каждый умирает в одиночку”, значимость которого была осознана немецким обществом лишь в начале XXI в., писатель искупил свою вину. Этот роман стал вершиной его литературного творчества, его завещанием потомкам.

⁹³ Mitteldeutsche Zeitung, 8.III.2011.

⁹⁴ Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung, 10.IV.2011.

⁹⁵ <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,750031,00.html>

⁹⁶ Der Spiegel, 2011, №16, S.144–145.

⁹⁷ <http://www.dradio.de/dlf/sendungen/buechermarkt/1448330/>